

После того как император Цзин взошел на престол, он уничтожил своих братьев в дворце, а семью Шэнь — кто покончил с собой, а кто был отправлен в ссылку. Император Цзин, проявив редкую милость, вспомнив, что Шэнь И когда-то спас ему жизнь, отправил того одного в эти глухие края, но не тронул его родителей, жену и детей.

Конечно, больше он их не приближал. Однако из-за того, что методы императора Цзина были кровавыми, а нрав — переменчивым, отец Шэнь И постоянно пребывал в тревоге и вскоре скончался от тоски.

В пьяном угаре император Цзин однажды сказал, что раз Шэнь И выбрал не ту сторону, то, родившись на северных рубежах, должен здесь и умереть, а его кости не вернутся в столицу. Это было несколько против правил, но слово императора и было законом, и никто не смел легко возражать.

За эти годы Шэнь И не только крепко держал оборону на северных рубежах, но и внес неоценимый вклад в Великую Ци. С каждым новым достижением его чин повышался, и каждый раз, получая награду, он мог вернуться в столицу, хотя за все эти годы он побывал на родине всего несколько раз.

Теперь он уже был генералом, охраняющим север, и по сравнению с братьями императора Цзина его судьба была более удачной.

И теперь этот удачливый мужчина был на пороге смерти.

Шэнь И был мужественным и красивым, лишь кожа его, огрубевшая от северных ветров, казалась шероховатой. Даже сейчас, когда тело его ослабло, а более десяти лет, проведенных на границе под палящим солнцем и ветром, сделали его кожу не такой белой, как у столичных аристократов, он оставался весьма привлекательным мужчиной.

Он посмотрел на Шэнь Няня, взгляд его был ясным, но оба они понимали, что нынешний румянец и бодрый дух — лишь иллюзия.

Шэнь И кашлянул дважды, на ладони выступила кровь. Он незаметно сжал кулак и опустил руку на кровать, тихо сказав:

— Если император не согласится на моё возвращение в столицу, больше не подавай прошений. Если он не хочет, чтобы я вернулся, тогда похорони меня здесь, на северных рубежах. Охранять эту землю и смотреть на империю — не такое уж скучное занятие.

Тон его был спокоен, но в нем сквозили легкая печаль и сложные чувства. Не войти в родной дом при жизни и не вернуться в столицу после смерти — это было несправедливо по отношению к Шэнь И. Император Цзин совершил много нелепых поступков, добавление еще одного или вычитание одного ничего не меняло.

Снисходительность императора Цзин к Шэнь И, в некотором смысле, была еще более жестокой формой жестокости.

Шэнь Нянь опустил взгляд, стараясь, чтобы голос звучал как обычно:

— Отец, не думай об этом. Люди из столицы задержались на несколько дней. Вероятно, из-за внезапной перемены погоды на севере столичные жители, не привыкшие к местному климату, сбились с пути. Император только что взошел на престол, а мы здесь одержали победу, так что он обязан проявить некоторое уважение.

Шэнь И покачал головой, не возражая. Он поднял глаза и посмотрел на снег за окном, в взгляде появилось что-то вроде тоски, после чего он тихо произнес:

— После моей смерти император ради репутации не станет сразу причинять тебе вред. Когда вернешься в столицу, сдай воинскую бирку. Мы не знаем характера нового императора, если ситуация окажется неблагоприятной, сразу же подавай в отставку. Я знаю, что ты горд, но жизнь важнее всего. Кроме того, у тебя с матерью натянутые отношения. Вернувшись в столицу, вам придется видеться каждый день. Уважай её, но не во всем уступай. Твоя бабушка... твоя бабушка на твоей стороне.

Шэнь Нянь слегка помрачнел и ответил:

— Отец, когда мы вернемся в столицу, ты сам скажешь ей это.

Шэнь И посмотрел на него и хотел что-то добавить, но в горле першило, и его начало бить сильный кашель.

Он прикрыл рот рукой, кровь хлынула сквозь пальцы, капля за каплей падая на одеяло. В этот момент за дверь доложили, что прибыл императорский указ из столицы.

Шэнь И резко поднял голову и посмотрел на дверь, забыв о беспокойстве Шэнь Няня. В его глазах мелькнула надежда, которую он сам не осознавал. Шэнь Нянь знал его боль: он хотел вернуться в столицу, но императорский приказ не позволял, даже под предлогом похорон императора Цзина.

Шэнь Нянь полагал, что приказа не будет, но, несмотря на долгую задержку, он все же достиг северных рубежей.

Он уже представлял, что написано в указе: скорее всего, там будут ругания, обвиняющие его в волчьих амбициях и пренебрежении императорской властью, с требованием немедленно вернуться в столицу. Он не хотел принимать этот указ, но, встретившись со слабым, полным надежды взглядом Шэнь И, все же приказал впустить гонца.

Как бы там ни было, он должен был позволить Шэнь И уйти с миром. Если в указе будет написано что-то неприятное, он сможет велеть зачитать его в мягком тоне. Шэнь Нянь много думал об этом, и это соответствовало прежнему образу нового императора, но на этот раз содержание указа оказалось неожиданным.

Новый император согласился, чтобы Шэнь И вернулся в столицу для участия в похоронах императора Цзина; Шэнь Нянь должен был сопровождать его. Евнух, доставивший указ, еще успел улыбнуться, и его улыбка была подобна улыбке статуи Будды в храме; он говорил о том, что новый император очень беспокоится о них и просит вернуться в столицу как можно скорее.

Шэнь Нянь лишь чувствовал, что это указание пришло слишком чудесно и похоже на ловушку.

Шэнь И не ожидал такого поворота событий. Он взял указ и посмотрел на острые, пронзительные иероглифы нового императора; почерк того был очень похож на почерк императора Цзина.

Увидев слова «Шэнь И возвращается в столицу», он волновался, глаза его затуманились. В мыслях он уже видел, как выглядит столица в этом году. Ему казалось, что он внезапно оказался в столице, снова молодым.

Он стоял внутри дворцовых стен, глядя на спящих людей. В то время все они были еще очень молоды, многие события еще не произошли, они были юношами, способными смеяться и говорить, и чьи руки еще не были омрачены кровью.

Шэнь И о многом подумал, но для посторонних это заняло лишь мгновение. Указ выпал из его рук и упал на пол, потревожив окружающих. Стоявший рядом Шэнь Нянь с хриплым голосом тихо окликнул:

— Отец.

Но никто больше не ответил.

Шэнь И, прислонившись к изголовью кровати, видимо, вспомнил что-то хорошее. Его выражение лица было спокойным, на губах играла легкая улыбка. В резиденции генерала, охраняющего север, разнеслись рыдания, и белые шелковые ткани снова повесили на дверную табличку.

В семнадцатый год эры Юнхэ Великой Ци, второго числа одиннадцатого месяца, генерал, охраняющий север, Шэнь И скончался на северных рубежах от тяжелых ран. Северные земли погрузились в траур. В это время со смерти императора Цзина прошел всего месяц и десять дней.

Больше чем за месяц Великая Ци потеряла императора и генерала. У Великой Ци появился новый император и новый генерал.

Внутри и за пределами двора ветер перемен подул, волны беззвучно поднялись.

А в это время новый император Ци Цзюньму, о котором Шэнь Нянь лишь на миг подумал, вальяжно сидел за императорским столом в Чертоге Цяньхуа. Все двери чертога были широко открыты.

Изнутри можно было видеть наружу: хотя в столице в ноябре не было снега, воздух был холодным. На Ци Цзюньму была наброшена белая лисья шуба; его внешность была прекрасной, облик величественным, черты утонченными, лишь губы были слишком тонкими, что придавало ему вид бесчувственного человека. Белая лисья шуба делала его лицо подобным нефриту.

Это была бы прекрасная картина, если бы не то, что происходило у главных ворот Чертога Цяньхуа. Там евнуха прижимали к скамье, зажимая рот, и били палками.

Ци Цзюньму изначально приказал забить его до смерти, и, естественно, никто не осмелился сохранить жизнь этому евнуху.

Прижимаемый евнух постепенно перестал проявлять признаки борьбы, дыхание его становилось все слабее. Вскоре тело окоченело на длинной скамье. Человек, закрывавший ему рот, поспешил вперед, коснулся его носа и, дрожа, kneeling, доложил:

— Человек умер.

Ци Цзюньму, подперев голову рукой, небрежно произнес:

— Ммм.

Труп евнуха быстро утащили, кровь текла по земле. Этот евнух был приемным сыном личного

евнуха Ци Цзюньму Жуань Цзицина. У Жуань Цзицина сегодня болел живот, и он не мог служить императору, поэтому этот приемный сын заменил его, но не только не получил расположения, но и живьем потерял жизнь.

Евнухи и дворцовые служанки в Чертоге Цяньхуа, опустив головы, не смели издавать ни звука. Во времена императора Цзина люди во дворце были именно такими. Когда новый император взошел на престол, он был очень милостив к окружающим евнухам и служанкам, уважал вдовствующую императрицу и был готов слушать мнения министров; все говорили, что характер нового императора мягкий и он будет хорошим императором.

Эти люди чувствовали это наиболее остро: если хозяин добрый, то и им, идущим следом, не нужно так сильно бояться, по крайней мере, они могут спокойно спать.

Кто мог подумать, что этот мягкий новый император будет мягким лишь чуть больше месяца. Сегодня, проснувшись, он прямо приказал забить до смерти евнуха, подающего ему чай. Причина была в том, что чай был слишком горячим и обжег его.

Чай, подаваемый императору, евнухи всегда пробовали на температуру, но если император говорил, что чай горяч, никто не смел сказать, что температура подходит. Новый император, только что взошедший на престол, был таким же неприемлемым для возражений, как и император Цзин, а методы... методы были такими же кровавыми, заставляющими сердце сжиматься от страха.

Ци Цзюньму смотрел на следы крови у входа в чертог, в глазах мелькнуло странное, пугающее возбуждение.

<http://bllate.org/book/16626/1521878>